

*Рейерс
Тумм*

ОДНО
ТЁМНОЕ
ОКНО

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г47

Rachel Gillig
ONE DARK WINDOW

Copyright © 2022 by Rachel Gillig

Перевод с английского *Вероники Борискиной*
Иллюстрация на переплёте *Fukkatsu Art*
Художественное оформление *Артёма Суменкова*

Гиллиг, Рейчел.

Г47 Одно темное окно / Рейчел Гиллиг ; [перевод с английского В. А. Борискиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-189058-2

Элспет Спиндл нужен монстр – древний дух, которого она зовёт Кошмаром. Только он поможет ей выжить в окутанном магическим туманом королевстве. Он защищает её. Он хранит её секреты. Он заперт в её голове.

Жизнь Элспет меняется, когда она встречается Рэйвина Ю – племянника короля, капитана элитных солдат... Изменника, который действует за спиной своего могущественного дяди.

Вместе они намерены собрать двенадцать Карт Провидения – мощную магическую колоду, которая может стать ключом к избавлению королевства от жуткого тумана и смертельного поветрия.

Но ставки растут, а Кошмар медленно и неизбежно овладевает разумом Элспет. И у неё осталось не так много времени, чтобы остановить его... и сохранить себя.

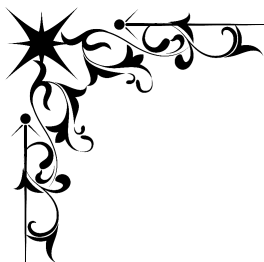
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Борискина В.А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.

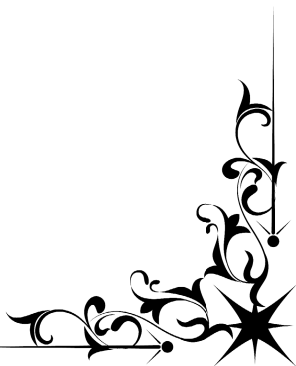
ISBN 978-5-04-189058-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Тихоням со множеством историй в головах
Их мечтам и кошмарам*

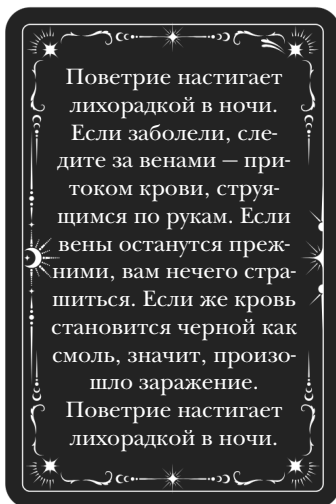
ЧАСТЬ I
Карты

Глава первая

Мне было девять, когда в наш дом впервые пожаловали целители.

Дядя уехал вместе со своими людьми. Кузина Айони с братьями громко играли на кухне, и тетя не слышала стука в дверь, пока первый мужчина в белом одеянии не переступил порог гостиной.

У нее не оставалось времени спрятать меня. Я спала, растянувшись на окне, точно кошка. Когда тетя разбудила меня, ее голос охрип от страха.

— Ступай в лес, — прошептала она, отпирая окно и осторожно проталкивая меня через створку на землю.

Я упала не на теплую летнюю траву. Головой я ударилась о камень и моргнула, из-за тошноты и головокружения перед глазами замелькали темные очертания, а голову окутало красное липкое тепло.

Я слышала их в доме, их тяжелые и зловещие шаги.

«*Вставай*, — позвал голос в моей голове. — *Вставай, Элспет*».

Поднявшись на шатких ногах, я отчаянно устремилась к кромке леса за садом. Меня окутал туман, и хотя в кармане не было амулета, я побежала к деревьям.

Но голова болела слишком сильно.

Я вновь упала, и по шее потекла кровь.

«*Они поймают меня*, — мысленно закричала я, теряя рассудок от страха. — *Они меня убьют*».

«*Никто не причинит тебе вреда, дитя*, — прорычал он. — *А теперь вставай!*»

Я попыталась. Постаралась приложить все силы. Но слишком повредила голову, и после пяти отчаянных шагов — кромка леса так близко, что до меня доносился его запах, — я рухнула на землю в холодном, безжизненном обмороке.

Теперь мне известно, что последующие события — не сон. Они не могли им быть. Когда люди теряют сознание, им ничего не снится. А мне и вовсе не доводилось видеть сновидения. Но я не знаю, как еще это назвать.

Во сне в меня просачивался густой и темный туман. Я была в саду тети, как и мгновением ранее. Могла видеть и слышать — чувствовать запах, ощущать грязь под головой, — но я оцепенела, не в силах пошевелиться.

«*Помоги!* — тихо прокричала я. — *Помоги мне*».

В сознании отдавались тяжелые и спешные шаги. По щекам стекали слезы. Я вздрогнула, но не могла ничего различить, все вокруг расплывалось, будто я пыталась разглядеть что-то под морской водой.

Руки пронзила острая, яростная боль, а вены стали черными, словно чернила.

С моих губ сорвался крик. Я кричала до тех пор, пока мир вокруг не исчез — зрение меркло, пока все не обратилось во тьму.

Я очнулась под ольхой, укрытой туманом и густой зеленью леса. Боль в венах стихла. Каким-то образом мне удалось добраться до кромки леса даже с разбитой головой. Я сбежала от целителей.

Я буду жить.

Легкие раздулись, и я издала счастливый вскрик, пока разум продолжал бороться с грозившим захлестнуть меня приступом паники.

Только сев, я почувствовала боль в руках. И взглянула вниз. Ладони были исцарапаны и разодраны, пальцы замараны кровью в тех местах, где ногти, теперь покрытые землей, сломались. Почва вокруг оказалась разрыта, трава примята. Что-то — или кто-то — прижало ее к земле.

Что-то — или кто-то — помогло мне доползти сквозь туман до безопасного места.

Он так и не рассказал мне, как перенес мое тело, как ему удалось спасти меня в тот день. Это одна из его многочисленных невысказанных тайн, отрешенно покоящихся во тьме, за которой мы присматриваем.

Однако именно тогда я впервые перестала бояться Кошмара — голоса в моей голове, существа со странными желтыми глазами и жутким, вкрадчивым голосом. Минуло одиннадцать лет, и я его совсем не боюсь.

Даже если должна.

Тем утром я шла по лесной дороге, чтобы встретиться с Айони в городе.

Серые тучи омрачали мой путь, и тропа была скользкой от густого мха. Лес удерживал тяжелую дождевую воду, словно бросая вызов неизбежной смене времени года. Лишь редкие кусты кизила контрастировали с изумрудным глянцем — красно-рыжие оттен-

ки ярко выделялись на фоне тумана, пламенные и горделивые.

Птицы вспорхнули из куста самшита, испуганные моей лишенной грации походкой, и вихрем взлетели ввысь, в туман, столь густой, что казалось, будто их крылья его вздымают. Я натянула капюшон на лоб, насвистывая мелодию. Одну из песен Кошмара, из множества тех, что он напевал в темных уголках моего разума. Старую, заунывную, нежную в тихом гомоне. Она приятно звенела в ушах, и, когда последние ноты сорвались с моих уст на тропу, мне стало жаль, что они уходят.

Я обратилась к задворкам сознания, ощущывая тьму. Когда мне ничего не ответили, засемила дальше по дороге.

Тропа стала слишком грязной, и я шагнула в лес, задержавшись возле кустарника с ягодами — черными и сочными. Прежде чем съесть их, я выудила из кармана свой амулет, воронью лапку, и покрутила его в руках. Туман, задержавшись на краю дороги, прильнул ко мне.

Муравьи попались в липкий сок на моих пальцах. Я стряхнула их. Резкий вкус кислоты обжег язык, когда случайно проглотила нескольких. Я вытерла пальцы о платье, сшитое из такой темной шерсти, что она поглотила пятна целиком.

Айони ждала меня в конце дороги, сразу за деревьями. Мы обнялись, и она взяла меня за руку, разглядывая мое лицо под тенью капюшона.

— Ты ведь не сходила с тропы, Бесс?

— Лишь на мгновение, — призналась я, обращая взор к улицам.

Мы стояли на окраине Бландера, паутина мощных улиц и магазинчиков страшила меня сильнее любого темного леса. Люди суетились, человеческие и животные звуки казались слишком громкими для моих ушей

после стольких недель, проведенных дома в лесу. Перед нами промчалась карета, звук цокающих копыт резко отразился от старинных уличных камней. Мужчина тремя этажами выше выплеснул грязную воду из окна, и часть ее попала на подол моего черного платья. Дети плакали. Женщины кричали и причитали. Торговцы выкрикивали свои товары, и где-то прозвенел колокол — глашатай Бландера сообщал об аресте трех разбойников.

Вздыхнув, я последовала за Айони вверх по улице. Мы замедлили шаг, чтобы заглянуть в лавки торговцев — пробежаться пальцами по новым тканям, вытасненным из-за прилавков. Айони заплатила медяк за пучок розовых лент и улыбнулась хозяину лавки, продемонстрировав небольшую щель между передними зубами. Вид Айони согрел меня. Я очень привязалась к ней, моей златовласой кузине.

Мы с ней такие разные. Она — честная, настоящая. Ее чувства отражались на лице, в то время как мои прятались за тщательно отработанным самообладанием. Она живая во всех отношениях, озвучивает свои желания, страхи и все, что между ними, вслух, словно заклинание благодарности. Куда бы Айони ни пошла, она вела себя легко, привлекая людей и животных. Казалось, даже деревья качаются в такт ее шагам. Все любили ее. И она любила их в ответ. Даже в ущерб себе.

Айони не притворялась. Она просто *была собой*.

Я завидовала ей в этом. Сама я напоминала запуганного зверька, редко ведавшего спокойствие. Мне нужна Айони — ее защита, сотканная из тепла и легкости — особенно в такие дни, как этот: день моих именин, когда я навещала отчий дом.

Где-то далеко, в глубине моего сознания, раздался звук щелкающих клыков, затем он медленно стих. Я стиснула зубы и сжала кулаки, но все бесполезно —

невозможно контролировать появления и исчезновения Кошмара. Мимо нас протиснулся мальчишка, его взгляд слишком долго задержался на моем лице. Я фальшиво улыбнулась и отвернулась, проведя рукой по напряженным мышцам лба, пока не почувствовала, что выражение лица стало отстраненным. Я годами отгачивала этот трюк в зеркале — лепила свое лицо, словно глину, пока оно не приобретало отсутствующий, сдержанный вид человека, которому ничего скрывать.

Я чувствовала, как Кошмар наблюдает за Айони моими глазами. Когда он заговорил, его голос стал маслянистым:

«Златовласка чиста и мягка. Златовласка незрима — проста. Златовласку легко проморгать. Златовласке корлевой не стать».

«Тише», — шикнула я, поворачиваясь спиной к кухне.

Айони не знала, как на мне отразилось поветрие. По крайней мере, не полностью. Никто не знал. Даже тетя Опал, приютившая меня, когда я бредила от лихорадки. По ночам, когда меня поглощал жар, она затыкала дверные щели шерстью и держала окна закрытыми, дабы я не разбудила своими криками других детей. Она поила меня снотворным и прикладывала припарки к разгоряченным венам. Читала мне книги, некогда принадлежавшие им с мамой. Тетя любила меня, несмотря на то, к чему могло привести сокрытие ребенка, подхватившего лихорадку.

Когда я наконец вышла из своей комнаты, дядя и кузены уставились на меня, выискивая любые признаки магии — все, что могло бы меня выдать.

Но тетя была непреклонна. Я действительно подхватила лихорадку, которой так боялись в Бландере, но на этом все и закончилось — поветрие не наделило

меня магией. Ни Хоторны, ни новая семья отца не будут признаны виновными в связи со мной, пока мое заражение остается тайной.

И я могла сохранить жизнь.

Так и рассказывается лучшая ложь — с достаточной долей правды, чтобы стать убедительной. На какое-то время я даже поверила в эту выдумку — поверила, что не обладаю магией. Ведь у меня не проявилось ни одного из явных магических симптомов, которые так часто сопровождали заражение — ни новых способностей, ни странных ощущений. Мне вскружила голову иллюзия, что я единственный ребенок, переживший поветрие без магических последствий.

Но то было время, которое я старалась не вспоминать — время наивности, до Карт Провидения.

До Кошмара.

Его голос растворился в небытии, и безмолвная тень его присутствия снова ускользнула во тьму. Мой разум вновь принадлежал мне, шум города наполнил уши с новой силой, когда я последовала за Айони мимо торговых лавок на Маркет-стрит.

На следующем повороте нас встретило резкое эхо. Кто-то кричал. Я вытянула шею. Айони потянулась ко мне.

— Дестриэры, — заявила она.

— Или Орис Уиллоу со своими целителями, — предположила я, ускоряя шаг и осматривая улицу в поисках белых мантий.

Раздался еще один крик, пронзительные нотки подняли волосы на шее. Я повернула голову в сторону многолюдной мощеной площади, но Айони оттащила меня подальше. Единственное, что мне удалось разглядеть, прежде чем мы свернули за угол, была женщина с раскрытым в беззвучном вопле ртом, рукав ее плаща был откинута, чтобы обнажить черные, точно чернила, вены.